

Лица из прошлого

Н.В. ПОЛОСЬМАК

ПОЛОСЬМАК Наталья Викторовна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск).
Лауреат Государственной премии РФ (2004), лауреат Национальной премии «Достояние поколений».
Автор и соавтор более 130 научных работ, в том числе 12 монографий

Находки с изображениями давно ушедших в иной мир людей являются одними из самых волнующих для археолога. Те, что были найдены в горах Ноин-Ула Северной Монголии в курганах с захоронениями представителей высшего хуннского общества, позволили увидеть реальные персонажи исторических событий двухтысячелетней давности, тем самым открыв еще одну страницу далекой эпохи, которая уже стала легендарной

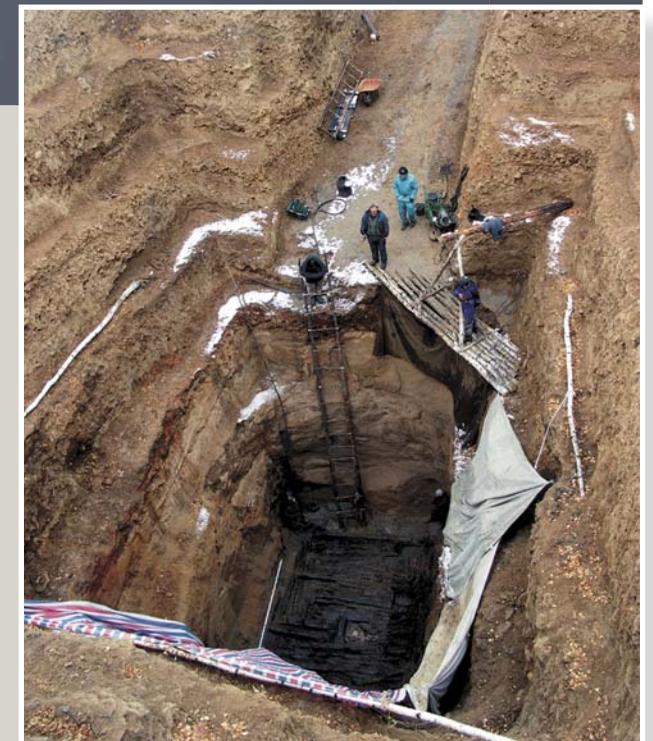
Ключевые слова: Ноин-Ула, Северная Монголия, хунну, древний текстиль, шелк, вышивка, костюм.
Key words: Noin-Ula, North Mongolia, Xiongnu, ancient textiles, silk, embroidery, costume

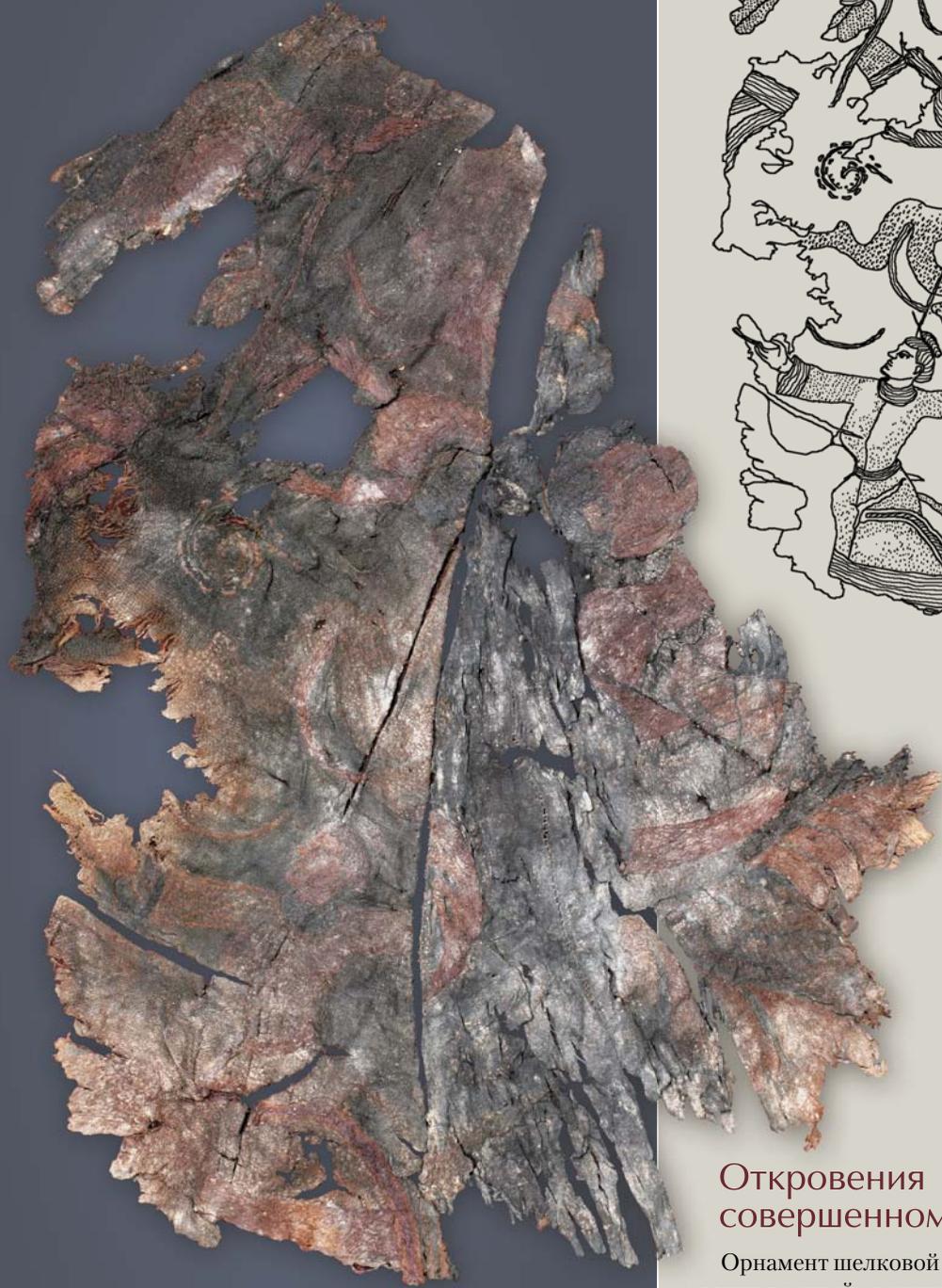

Вышивка на шелке.
20-й ноин-улинский курган

В кургане 20 могильника Ноин-Ула (Северная Монголия) наряду со многими уникальными предметами были обнаружены фрагменты верхней одежды. Они были найдены на дне погребальной камеры в воде и глине. Речь идет о нескольких довольно больших фрагментах нижней полы удивительного наряда. Что это был за наряд – короткая куртка всадника или длинный кафтан – определить невозможно, но выглядел он великолепно.

Основой наряда была тонкая плотная шелковая ткань песочного цвета. Между шелковой основой и внешним нарядным покрытием из вышитых шерстяных и шелковых тканей проложен тонкий слой шелковой ваты. По бортам и подолу пришита шелковая оторочка из разрезанных и сложенных пополам кусков светло-бежевой ткани с вытканной красными нитками полосой повторяющегося орнамента, включающего изображение древнего иероглифа.

Вышивка на шелке.
Фрагмент верхней одежды.
20-й ноин-улинский курган

Прорисовка изображений,
вышитых на фрагменте
шелковой ткани
от верхней одежды.
20-й ноин-улинский курган

Откровения совершенномуудрого Фуси

Орнамент шелковой ткани, использованной для оторочки верхней одежды, уникален. На шелке песочного цвета вытканы красные изображения. Это идущие драконы, за которыми стоит «змееногий» человек. Перед ним находятся четыре параллельные линии, лежащие на его согнутых руках. В другой плоскости изображены черепахи и птицы-феникс. На другой отрезанной части этой ткани были вытканы изображения танцующих персонажей – мужчины и женщины.

Фрагмент верхней одежды
из шерстяной ткани.
20-й ноин-улинский курган

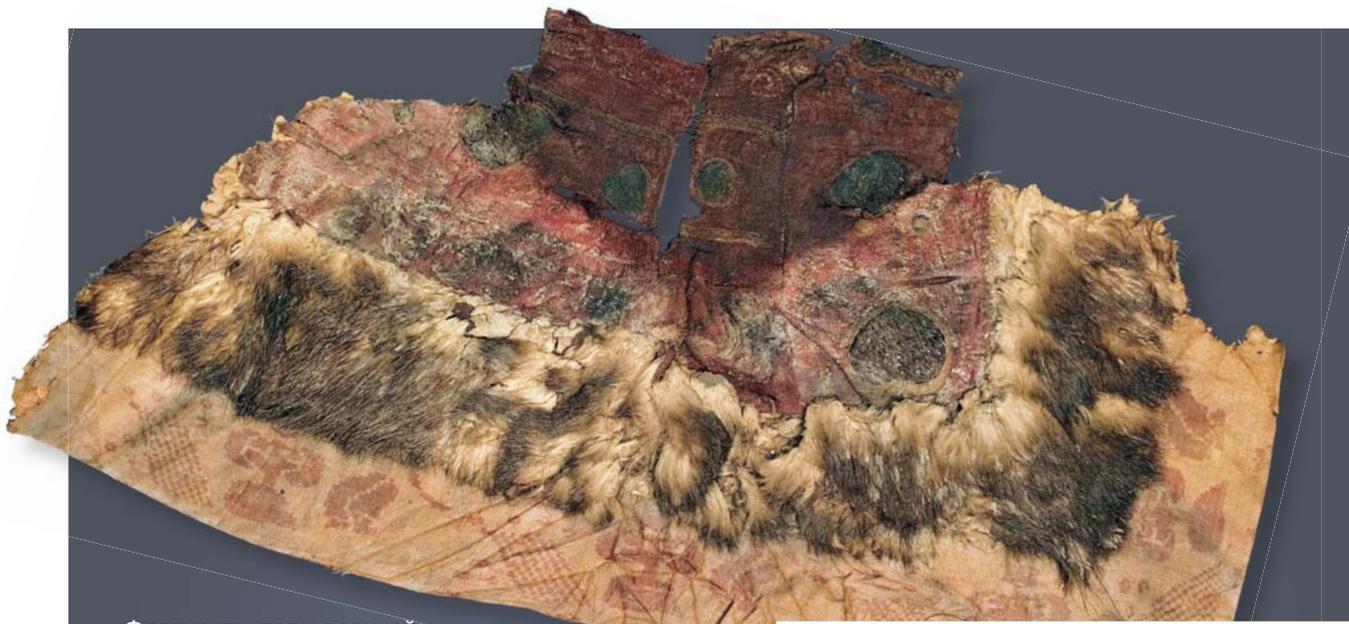
В даосской религиозной традиции багряным, красным и вишневым цветами изображаются божественные персонажи, явления и предметы высшего мира (Кравцова, 2004). По традиции считается, что «лазоревый дракон» (символ востока), белый тигр (символ запада), киноварная птица (символ юга) и черная черепаха, обвитая змеей (символ севера), входят в состав четырех духов-покровителей. Каждый располагается в своей части (стороне света) изображения. Такой орнаментальный мотив в эпоху Хань часто использовался на концевой черепице, зеркалах,

на фресках в погребениях. Эти животные чаще всего ассоциируются с даосской страной бессмертных. Горы всегда считались их обителью. Недаром бессмертный сян обозначается иероглифом, состоящим из графем «человек» и «гора». Повторяющийся на ткани древний иероглиф 華 – хуа, состоит из двух элементов: 華 – хуа («цветущий», «процветающий») и 山 – шань («гора»). Исполнение иероглифа на ткани не полностью совпадает с приведенным печатным вариантом. Это связано с тем, что иероглиф выткан, а не написан, и это несколько изменило его вид. Кроме того, для китайского

Реальная одежда древних кочевников Центральной Азии доходит до нас чрезвычайно редко. Мы знаем названия народов, многие события их истории, но плохо представляем, как же они выглядели. В 6-м ноин-улинском кургане, раскопанном еще в 1924 г. экспедицией П. К. Козлова, сохранилось несколько предметов одежды, по которым можно представить костюм знатного хунну. Это два целых шелковых кафтана и фрагменты третьего, шерстяные и шелковые шаровары, одни китайские штаны «ку», состоящие из двух отдельных шелковых штанин с составляющей с ними одно целое войлочной обувью, три головных убора – два мужских, один женский (Руденко, 1962). По материалам этого кургана М. В. Гореликом был воссоздан образ хуннского всадника, а А. И. Соловьевым – пешего лучника (Соловьев, 2003).

Есть множество китайских (ханьских) изображений хунну на каменных рельефах из погребений знати. Это сцены битвы, где хунну показаны нападающими, но чаще бегущими или пленными. Главным отличием хуннских всадников от атакующих их ханьцев являются, помимо лиц с резким профилем и большими носами, остроконечные головные уборы

Фрагменты полы верхней одежды. 20-й ноин-улинский курган

Деталь отделки шелковой ткани. Во время всех важнейших ритуальных празднеств в древнем Китае обязательно исполнялись танцы, иногда устраивались целые представления. Эти танцевальные обряды восходили своими корнями к шаманским магическим пляскам (Васильев, 2001). Мужчина с четырьмя глазами, вытканый на шелке, мог быть *фансяншии* – заклинателем болезнетворных и вредоносных духов, необходимой принадлежностью которого была маска с четырьмя золотыми глазами (Ермаков, 2008)

Прорисовка фрагмента полы верхней одежды. 20-й ноин-улинский курган (Е. Шумакова)

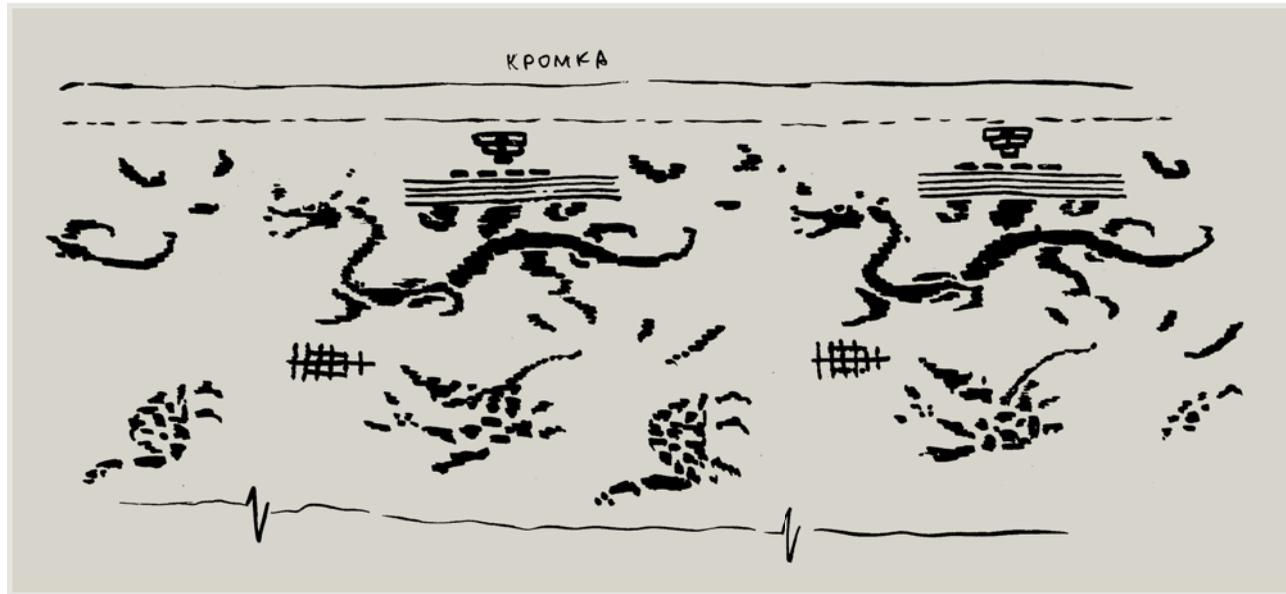
языка характерна омонимия: заменяемость иероглифов с одинаковым звучанием, но различным написанием. У выбранного нами иероглифа несколько значений: название горы; гора Хуашань (гора Цветущая); фамильный иероглиф Хуа. Гора Хуашань является одной из пяти Священных гор даосизма в Китае. Это значение вытканного на ткани иероглифа более предпочтительно, учитывая всю композицию в целом (*расшифровка иероглифа – к.и.н. А.Н. Чистякова*).

В этом волшебном «небесном» окружении наиболее интересна фигура змееногого мужчины, стоящего рядом с драконом. Можно уверенно предположить, что перед нами изображение первого из Пяти совершенномудрых легендарных правителей древности – Фуси. Этот культурный герой, научивший людей охотиться, ловить рыбу, обращаться с огнем, был чрезвычайно популярен в эпоху Хань. Его главной заслугой считаются восемь триграмм из трех сплошных и прерывистых линий, явленных его взору в рисунках на панцире волшебной черепахи, вышедшей из реки Лошуй, или в завитке волос на спине дракона – коня, вышедшего из реки Хуанхэ, в другом варианте легенды. Вытканное на ткани изображение наглядно отражает последнюю версию появления триграмм. От этих триграмм, служащих ключом к тайнам природных и социальных

явлений, берут начало гадательная практика, медицина, геомантия (Ермаков, 2008). Они составили основу «И цзин» – китайской Книги книг, главной книги китайского оккультизма.

В руках божественного правителя, вытканного на ткани из Ноин-Улы, находятся четыре линии, а не три. Здесь мы сталкиваемся с интересным фактом, который, как нам кажется, находит следующее объяснение. Конфуцианцы, принявшие много лет спустя после смерти своего учителя «И цзин» (по мнению самого выдающегося российского исследователя этого текста Ю.К. Шуцкого, это произошло между 213 и 163 гг. до н.э.), не только изучали «Книгу перемен», но иногда и подражали ей. Таковой является «Книга великой тайны» («Тай сюань цзинь») Ян Сюна. В этом неразгаданном тексте есть символические фигуры, подобные тем, что мы видим в «Книге Перемен». Однако они содержат четыре черты: целую, прерванную и дважды прерванную (Шуцкий, 1997, с. 222), что соответствует тому, что мы видим на узоре из Ноин-Улы.

Известно, что изображение Фуси с ба гуа – восьмью триграммами – появляется только на поздних, средневековых портретах. Так, на гравюре, помещенной во «Всеобщем зеркале бессмертных...», Фуси изображен с эмблемой ба гуа, которую он держит руками,

прижимая ее к животу. Изображение Фуси в виде человека с символическими линейными фигурами, вышитое на ткани, обнаруженной в 20-м ноин-улинском кургане, – самое древнее из ныне известных. Фрагмент шелка, послуживший для отделки нарядного кафтана кочевника, является уникальным образцом ткани ханьской эпохи.

Далее шла неширокая меховая оторочка, скорее всего, это соболь – мех блестящий, мягкий, пушистый,

красивого темно-коричневого цвета. А затем – шерстяная красная ткань с вышивкой шерстяными нитями.

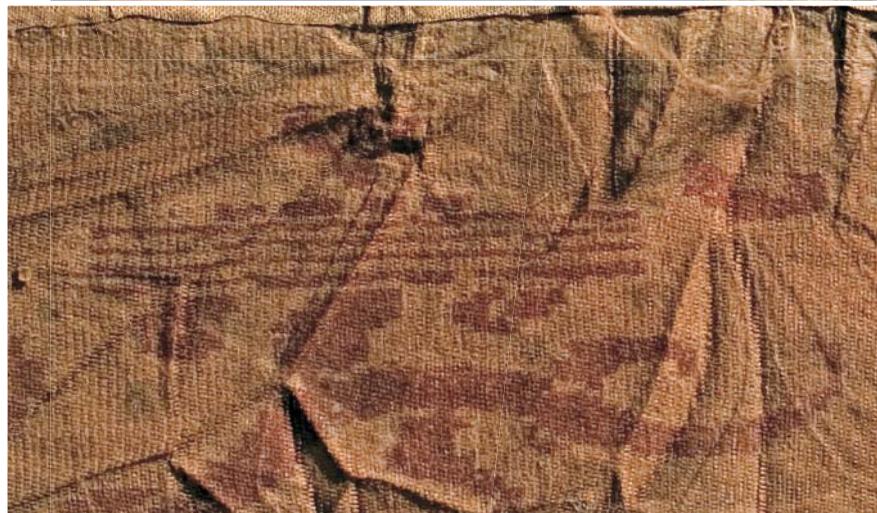
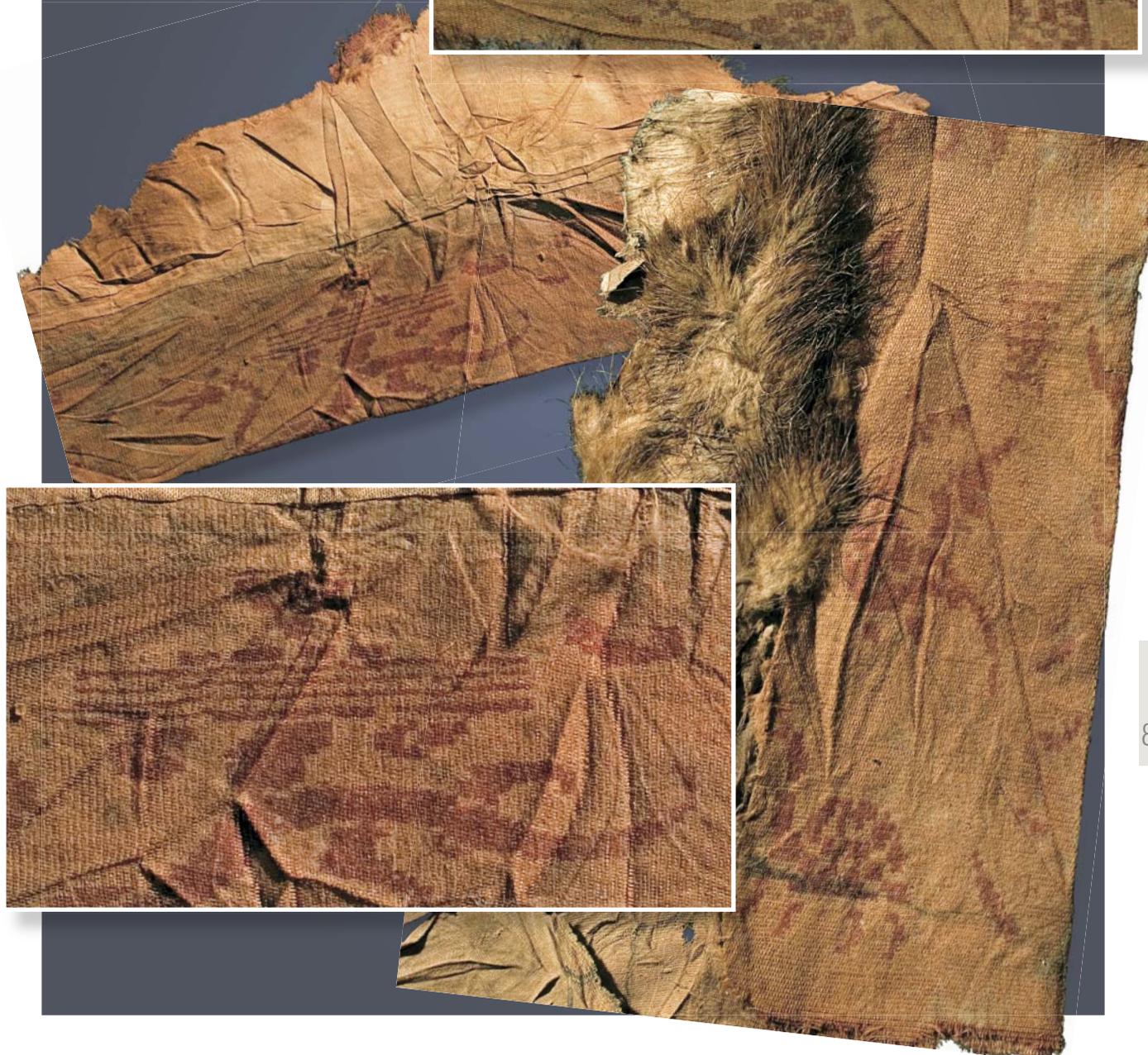
Выше была пришита шелковая ткань, так же состоящая из сшитых между собой кусочков. Эти небольшие шелковые фрагменты сохранились чудом: ткань с вышивкой очень тонкая и хрупкая, буквально рассыпалась на глазах, но то, что сохранилось, явилось настоящим сокровищем.

Шерстяная ткань состоит из сшитых между собой разновеликих кусочков. Вероятно, они являлись фрагментами какого-то пришедшего в негодность изделия, использованного для отделки и украшения нарядной одежды. Судя по сохранившейся вышивке, это мог быть шерстяной коврик-драпировка, подобный тем, что были обнаружены в 6-м ноин-улинском кургане экспедицией П. К. Козлова (Руденко, 1962) и являлись, вероятно, парфянским импортом. На этих ковриках изображен такой же, как и у рассматриваемого фрагмента, повторяющийся орнамент из непрерывного ряда спиралей и очень характерный элемент вышивки, по мнению С. И. Руденко – цветок сердцевидной формы. Но, возможно, это – клубень клубнелуковичного растения типа цикламена или тюльпана (к. б. н. Е. А. Королук). На средневековых иранских тканях цветы нередко изображались в виде растения в целом – со стеблем, листьями, цветами и корневой системой... (Вишневецкая, 2007).

Использование этой шерстяной вышитой ткани для отделки верхней одежды знатного лица говорит о том, что тканью дорожили. Придя в негодность, она получила вторую жизнь. Во многих древних, средневековых и традиционных культурах обрезки и лоскуты красивых, ценных, иноземных тканей использовались для украшения одежды из более простых тканей или тканей собственного производства. Нередко такие изделия имеют значение оберега

Прорисовка орнамента китайской шелковой ткани, использованной для оторочки верхней одежды. На шелке вытканы изображения трех из «четырех духов»: это идущие драконы, за которыми стоит человек с четырьмя параллельными линиями на согнутых руках. В другой плоскости изображены черепахи и птицы-феникс (нет только тигра). На отрезанной части этой ткани были вытканы изображения танцующих персонажей – мужчины и женщины. Прорисовка изображений на ткани выполнена Е. Шумаковой

Фрагменты шелковой отделки верхней одежды с изображением дракона, Фуси, черепах, фениксов, древнего иероглифа. 20-й ноин-улинский курган

Фрагмент вышивки на шелке – «Первый персонаж». 20-й ноин-улинский курган

В 20-м кургане, как и во всех исследованных ноин-улинских курганах, обнаружены самые изысканные виды шелковых тканей ханьского Китая, дорогие вышивки составляют большинство изделий. Это объясняется тем, что в курганах Ноин-Улы были погребены представители высших слоев хуннского общества, которые получали подарки непосредственно из императорских кладовых

То, что сохранилось, оказалось настоящим сокровищем

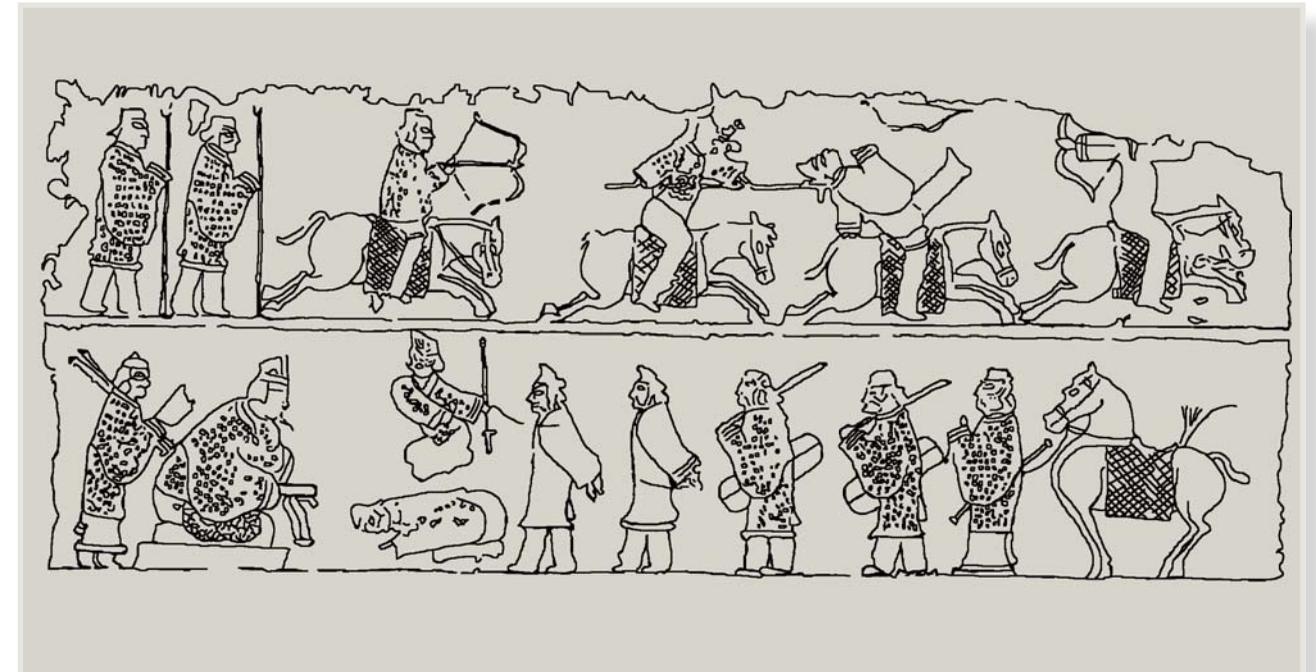
Вышивка на шелке представляет огромный интерес. Судя по сохранившимся разрозненным фрагментам, которые дошли до нас, первоначально она могла составлять общую композицию, но вряд ли по ним можно воссоздать полную картину. Вышитые изображения очень малы, а их сохранность такова, что рассмотреть или даже просто увидеть большинство из них чрезвычайно сложно. Тем не менее все, что возможно, было сфотографировано в процессе изучения и может быть использовано для работы.

На шелковой ткани шелковыми нитями вышиты воины и охотники, фантастические и реальные звери в окружении знаков и символов...

Сохранились фрагменты с изображениями пяти мужчин, лица которых своеобразны и не похожи друг на друга. Двое из них – ярко выраженные монголоиды.

Один – с очень выразительным полным лицом, изображен в профиль влево. У мужчины пухлые губы, под нависшим низким лбом немного изогнутый нос с мясистым округлым слегка вздернутым кончиком; вытянутый к виску полуприкрытый глаз и тонкая длинная бровь над ним; короткая толстая шея, вернее, почти полное ее отсутствие, и маленькая, узкая бородка – видно, что она растет из под нижней губы, так как круглый подбородок очерчен полностью. Подобный вид бородки известен по изображениям на ханьских рельефах. В целом о прическе судить трудно, но видны характерная залысина у виска, указывающая на стянутые в узел волосы, ухо и темные волосы на шее за ним.

Мужчина одет в нераспашную верхнюю одежду с длинными расширяющимися книзу рукавами, что характерно для ханьского костюма, отделанную по округлой горловине широким кантом другого цвета и фактуры. Такая же горизонтальная полоса отделки просматривается на верхней части рукава. В вытянутой вперед правой руке мужчина держит какой-то предмет, выглядящий как раздваивающаяся палочка.

Картины ханьско-варварских войн. Варвары – всегда побеждены. Прорисовка с ханьского барельефа

Голова мужчины повернута к изображению фантастического зверя – драконоподобного существа, в сторону которого, вероятно, протянута и рука. Хорошо сохранилась только зубастая оскаленная вытянутая морда с близко посаженными круглыми глазами с вышитым зрачком. В искусстве Китая эпохи Хань такой облик имели кони-драконы. Вероятно, фрагменты вышивки, сохранившейся между мужчиной и звериной мордой могли быть частью тела этого существа. Свободное пространство темной шелковой ткани между этой вышивкой и правой рукой мужчины занято изображением спирали, закрученной вправо. На ветхом шелке можно

с трудом проследить продолжение длинной подпоясанной одежды.

Такое же полное круглое лицо, как у первого персонажа, у мужчины, изображенного в профиль вправо. Его голова, практически лишенная шеи, с прической из черных густых волос с характерной залысиной у виска. Волосы стянуты в круглый пучок высоко на затылке. Коричневой ниткой, вышита, вероятно, длинная шпилька, воткнутая в основание пучка волос. Обращает внимание узкий разрез глаза и убегающая к виску тонкая бровь. Взгляд мужчины устремлен вверх. У него небольшой нос, составляющий с покатым низким лбом одну линию,

На известной картине из Туркестанской серии В. В. Верещагина «Двери Тамерлана» (Третьяковская галерея) художник с этнографической точностью воссоздал старинные костюмы воинов, охраняющих двери дворца Тимура, – длинные, до пят пестрые халаты, сшитые из разных тканей и отличающиеся великолепием отделки.

На территории Средней Азии были распространены лоскутные изделия. Кроме того, что они считались оберегами от сглаза и козней злых духов (Фиельструп, 2002), бывали и другие причины, заставлявшие носить лоскутную одежду. Так, известно, что в условиях нетерпимого отношения мусульман к иноверцам, в XVIII в. в Иране зороастрийские женщины, не имея возможности сшить себе платье из куска целой ткани, использовали обрезки и лоскуты сукна, соединяя их аккуратными стежками, а каждый лоскут отделяли искусной вышивкой, благодаря чему платье приобретало нарядный вид (Дорошенко, 1982)

МОРДА КОНЯ-ДРАКОНА

По старинным китайским источникам, лошадь-дракон – жизненный дух речной воды. У нее длинная шея, круглые глаза, тело покрыто чешуей, по бокам крылья, она ходит по воде и считается добрым предзнаменованием для императора. Матерью лошади-дракона была обычная лошадь, забеременевшая от того, что напилась воды из реки, где купались драконы (Фиссер, 2008). По другой версии, драконы, изменяя свой облик, соединяются с кобылицами. Их потомство – дикие лошади-драконы. На этих лошадях ездили боги, святые и бессмертные. Поверье о лошадях-драконах восходит ко II в. до н. э., когда ханьский император У-ди страстно возмечтал об упряжке неземных коней, которые доставили бы его на небеса (Шефер, 1981)

Фрагмент шелковой ткани с вышивкой.
20-й ноин-улинский курган

полные губы с узкой полоской усов над верхней губой. Возможно, в лицевой части есть потери, и у этого персонажа могла быть борода.

Мужчина одет в нераспашную верхнюю одежду, зауженную в талии и доходящую до начала бедра. По круглой горловине куртка окаймлена широкой полосой отделки, вышитой другим цветом и фактурой. Такая же полоса проходит по верхней части расширяющегося к низу правого рукава и переходит на грудь. Этим же материалом отделан широкий обшлаг рукава, и из него же сшита вся нижняя часть этого наряда и штаны. По нижнему краю куртки проходит нашитая полоса из другого материала. Возможно, таким образом показывали комбинированную одежду, сшитую из кожи и ткани. Так, например, гладкой вышивкой в песочно-коричневых тонах могла изображаться кожа, если это был легкий доспех, а отделка по горловине и обшлагам рукавов изображала ткань. В пользу этого предположения говорит интересная деталь – широкий рукав верхней одежды ниже плеча показан сетчатой разливкой. Обычно в изобразительном искусстве

(в скульптуре Халчаяна, на монетах индо-парфянских царей и т. д.) так показывали доспех, состоящий из плотно пришитых металлических пластин. Известно, что ранние китайские доспехи делались из пластин лакированной кожи (находки из Лэйгудун, провинция Хубэй, царство Чу, 433 г. до н. э. – М. В. Горелик, 1987).

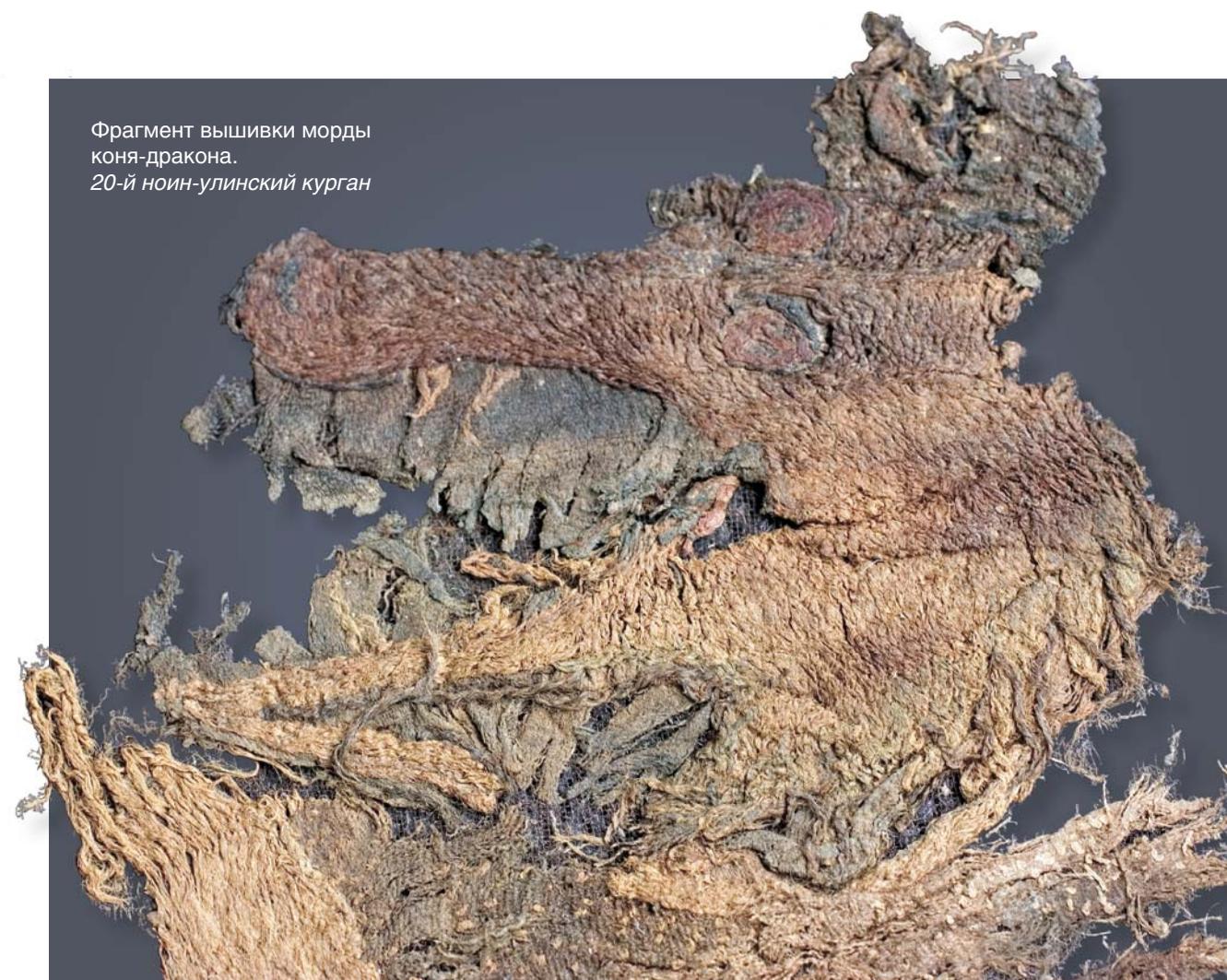
Вероятно, этот задумчивый мужчина сидит на фантастическом звере – коне-драконе. Видна, покрытая рядом параллельных полосок, часть спины животного, похожая на тигриную шкуру.

В описании Ли Бо знаменитые кони-драконы выглядят так:

*Коней небесных род начался
В стране Юэцзи в пещерах.
На спинах у них как у тигра узор,
С драконьими крыльями тело.*

(Цит. по Шефер, 1981)

Ближайшая аналогия этому персонажу – изображения охотящихся всадников на тахтисангинской пластине из слоновой кости. Заметное сходство прослеживается в профильных изображениях широколицых,

Фрагмент вышивки морды
коня-дракона.
20-й ноин-улинский курган

круглоголовых персонажей. Но есть и существенные отличия. Так, нет уверенности, что у всадника на вышивке есть усы и, несмотря на то, что у тех и других персонажей изображены, на первый взгляд, одинаковые прически с залысинами у виска и собранными в пучок волосами, сами пучки различны. На вышивках мы видим мужчин с заколотым длинной шпилькой пышным округлым пучком волос высоко на затылке, почти на макушке, тогда как у персонажей на тахтисангинской пластине пучок волос выглядит как небольшой «цилиндрический» выступ на затылке. Кроме того, в отличие от персонажей из Ноин-Улы, тахтисангинские всадники, выгравированные на пряжке, одеты в типично иранские костюмы – распашные подпоясанные короткие куртки, оставляющие открытой грудь.

В прическах мужчин на вышивках можно усмотреть китайские аналогии. Для сравнения можно привести прически воинов глиняной армии Ши-хуан-ди, среди которых есть близкие по форме – с пучком на макушке. Подобные прически есть и у персонажей диенских бронз. Это немаловажный факт, поскольку т. н. «всад-

нический комплекс» в культуре Диена (одежда, оружие, прически) связывается с центральноазиатскими всадниками. Еще один напоминающий вышитые изображения персонаж изображен на бляхе из Кочковатки (см. рисунок на стр. 91).

Следующий персонаж изображен в профиль влево. У мужчины худощавое длинное лицо, прическа с большим овальным пучком на макушке и характерной залысиной у виска. Большой прямой нос, миндалевидный глаз, невысокий лоб с нависшим надлобьем, взгляд устремлен прямо перед собой и немного вверх. Он одет в такую же, как у других затянутую поясом одежду: вокруг открытой шеи – полоса более темной отделки, так же отделан широкий обшлаг правого рукава. Правая рука вытянута вперед открытой ладонью вверх. Левая рука вытянута в противоположную сторону, она прослеживается до локтя, дальше идет шов, после которого начинается не связанный с описанным узор.

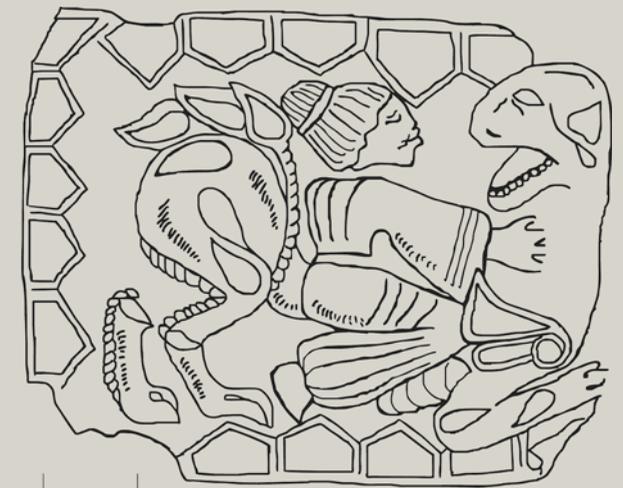

Фрагмент верхней одежды.
Второй персонаж
«Всадник».
Вышивка на шелке.
20-й ноин-улинский курган

Прорисовка изображения на пластине из слоновой кости из Тахти-Сангин – городища, расположенного в Южном Таджикистане. Б. А. Литвинский считает, что изображения отражают реальную охотничью жизнь бактрийских аристократов. Они появились под влиянием сасанидской иконографии и относятся к III в. н.э. (Литвинский, 2010). Существуют и иные мнения. Так, Г. А. Пугаченкова обосновывает датировку этих образов в пределах рубежа н.э. плюс-минус два-три десятилетия (Пугаченкова, 1989). Эта точка зрения, кажется, подтверждается находкой вышитого на шелке всадника из надежно датированного 20-го ноин-улинского кургана (Чистякова, 2009; Миняев и др., 2010)

Прорисовка бляхи из Кочковатки (случайная находка). Изображены мужчина монголоидного облика и хищник кошачьей породы. Зверь показан с повернутой навстречу мужчине головой. Мужчина одет в в подпоясанную рубаху с расширяющимися книзу рукавами. Волосы мужчины зачесаны назад и собраны в пучок на затылке. Его прическу сравнивают с буддийскими портретами Гандхары. Изображение датировано I в. до н.э. — I в. н.э. (Мордвинцева, 2003)

Фигура воина на бронзовом сосуде, предназначенном для хранения раковин-каури (I в. до н.э. — I в. н.э.). Культура Шичжайшань, провинция Юньнань, западная часть Сычуань, северная часть Вьетнама (слева) и фигуры воинов глиняной армии императора Цинь-ши-хуана-ди (справа)

Шелковая ткань с вышивкой – «Третий персонаж». Справа – увеличенный фрагмент и прорисовка по шелковой ткани. 20-й ноин-улинский курган

Сверху над этим персонажем сохранилась задняя часть фигуры зооморфного фантастического существа с изгибающимся телом и длинным хвостом. Рядом с ним помещен нарядный завиток, который неоднократно повторяется среди других изображений на этом изделии.

Четвертый персонаж – мужчина с европеоидным лицом, изображен в фас. У него большие глаза, нос картошкой. Его правая рука уходит за спину, она сжимает занесенный для удара длинный меч. Навершие рукояти меча на вышивке передано Т-образно. Длинную рукоять он сжимает ближе к перекрестию, которое выглядит прямым, насколько это возможно рассмотреть на столь миниатюрной вышивке; левая рука отведена назад, виден широкий обшлаг рукава, кисть руки не сохранилась. Подобным мечом пронзили девятихвостую лису – небесную жительницу, изображенную на ханьском барельефе из провинции Шаньдун. За спиной мужчины можно

различить часть туловища и, возможно, морду какого-то фантастического зверя

Пятый и наиболее хорошо сохранившийся персонаж вышивки – охотник. Голова мужчины повернута в три четверти. Лицо европеоидное – молодое, круглое, с низким лбом, миндалевидными глазами под ровной полоской бровей. Прическа – такая же, как и у остальных персонажей вышивки – зачесанные назад волосы, образующие «подковообразный» вырез у виска. Вероятно, у него был такой же, как и у других персонажей, пучок на макушке. Его нераспашная одежда подобна одежде персонажей, описанных выше. Мужчина натягивает лук, целясь в лань, изображенную в прыжке прямо перед ним.

Лук точно такой же, как у всадников на тахтисангинской пластине – сложносоставной. Манера держать лук и натягивать тетиву у вышитого охотника иная. Его левая рука, натягивающая тетиву, находится на уровне груди, а не выше, у шеи, как на тахтисангинской пластине. Таким же способом натягивает подобный лук, присев на одно колено, дух-защитник с росписи второго мавандуйского саркофага (168 г. до н. э.). Все пространство вокруг охотника и лани заполнено значками-символами: это два полукружья, напоминающие рога, за спиной лани. Под ланью вышит эсвидный знак. Выше – три прутика какого-то растения, над ними – когтистая лапа хищника. Прямо перед ланью – вензель или цветок и изображение уходящего фантастического существа, возможно, с крылом, на двух трехпалых ногах, с длинным голым хвостом с кисточкой на конце. Голова существа не сохранилась. Драконоподобное существо похоже на изображения на втором саркофаге госпожи Дай из Мавандуя-1. По мнению исследователей, роспись второго гроба показывают переход усопшей в потусторонний мир, где ее встречают изображенные в виде зооморфно-фантастических существ духи-защитники и духи-покровители (Крюков и др., 1983).

Вышивка на шелке из 20-го ноин-улинского кургана, по-видимому, была очень многолюдной: кроме фрагментов с изображениями человеческих фигур, у которых сохранились лица и большая часть туловища, найдены несколько фрагментов изображений ног – все, что осталось от изображений тех, кому они принадлежали.

Так, над мужчиной с мечом, прямо над сжимающей рукоять рукой, выглядывает часть ноги – изящная ступня в мягкой обуви и часть пышных шаровар с вертикальной полосой отделки. Две ноги в таких же пышных внизу штанах с вертикальной полосой отделки на каждой штанине и мягкой обувью, закрытые ниже колена нераспашной верхней одеждой с широкой оторочкой по нижнему краю, можно увидеть на другом фрагменте. От этого персонажа осталась еще вышитая кисть правой руки, в которой он держит какой-то предмет. Можно предположить, что человек

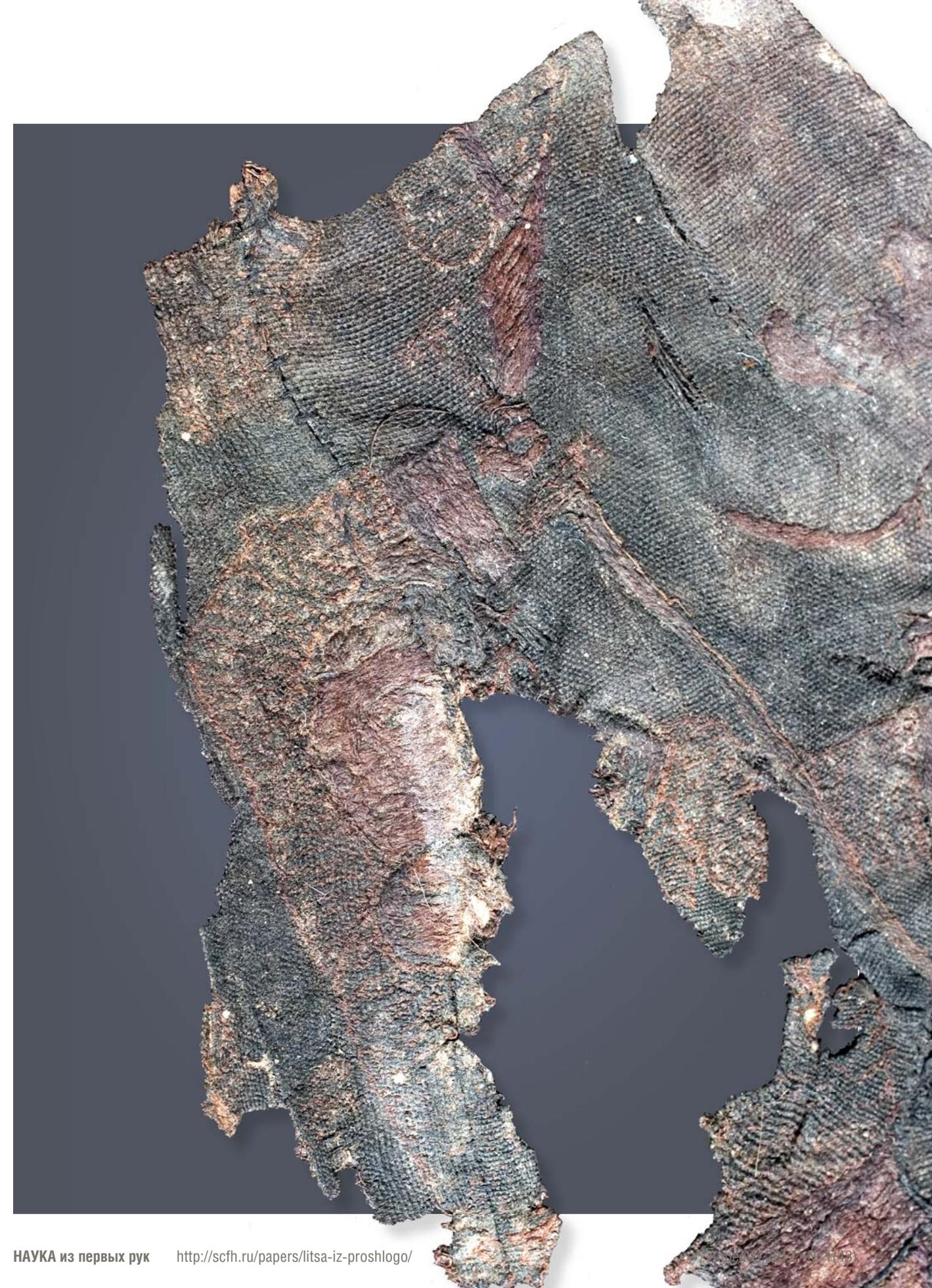

Прорисовка изображения девятихвостой лисы, пронзенной мечом, – божественной эмблемы богини Сиванму на ханьском барельефе. Окончание рукояти и перекрестие меча у воина на шелковой вышивке из 20-го ноин-улинского кургана подобны тем, что на этом изображении. Выполнено Е. Шумаковой

Фрагмент шелковой ткани с вышивкой – «Четвертый персонаж» (справа). Вверху – прорисовка по шелковой ткани фигуры воина. 20-й ноин-улинский курган

Кто же вышит на ветхом шелке?

преследует убегающего фантастического зверя, от которого сохранилась огромная птичья лапа с тремя когтями и оперением в верхней части. Ниже вышито еще одно чудовище – это драконообразное существо с круглыми глазами, с рогами и широко раскрытой пастью и высунутым длинным узким языком. Еще на одном фрагменте ткани сохранилось такое же существо, над мордой которого вышиты эсвидные значки-символы, характерные для этой ткани.

Подобные изображения ног в пышных, собранных у щиколотки штанах, закрытых ниже колена бронированным квадратными пластинами доспехом, сохранились на фрагменте шерстяной ткани от этого же изделия (см. рисунок на стр. 97).

Прелесть этой находки – в надежной дате кургана, из которого она происходит – последние годы I в. до н.э. – начало I в. н.э. Скорее – первое десятилетие I в. н.э. (Чистякова, 2009; Миняев, Елихина, 2010). Мы знаем, когда было создано изделие, поэтому главный вопрос – кто изображен на шелке, где и кем вышиты эти фрагменты, что за сюжет и что за сцены разворачиваются перед нами?

На мужчинах – особенная одежда. Это не куртки кочевников, не халаты, не кафтаны, это не доспех, в том виде как мы привыкли видеть его на других, дошедших до нас древних изображениях. Это какой-то особенный костюм, к которому при всей его простоте трудно найти

точную аналогию. В одежде, в ее верхней части можно усмотреть сходство с костюмом всадников и возничих из глиняной армии Цинь-Ши-хуан-ди. Но штаны и обувь – не китайские, а, скорее, принадлежат кочевникам, хотя, может быть, после закона, принятого еще правителем царства Чжао У-лин ваном (307 г. до н. э.), определенная часть китайского населения, воины-всадники, стали носить одежду варваров – штаны и сапоги. Кроме того, в китайской армии служили и всадники из числа северных варваров, которые продолжали носить привычную им одежду. В целом костюме, изображенный на вышитых персонажах, достаточно оригинален.

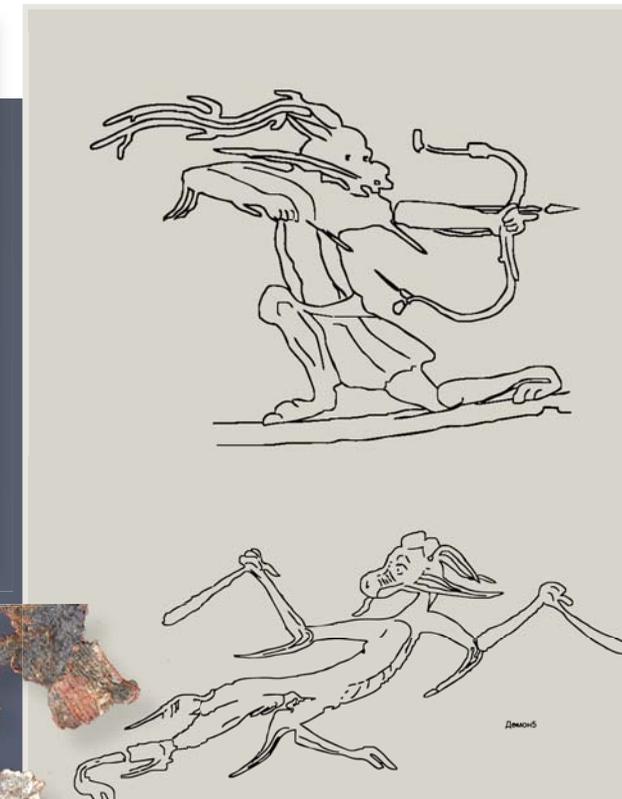
Мужчины, изображенные на шелке, имеют ряд общих черт: кроме костюма, их объединяет прическа – круглые узлы почти на макушке, вероятно закрепленные длин-

ной шпилькой. Известно, что китайцы ханьской эпохи не стригли волос, а укладывали их на голове, скрепляя шпилькой (Крюков и др., 1983). Лица персонажей различаются между собой, но когда смотришь на глиняную армию императора Цинь-Ши-хуан-ди, то также видишь большое разнообразие лиц, но все десять типов солдат и офицеров, которые выделены исследователями, – китайцы и принадлежат к тихоокеанским монголоидам, тогда как среди вышитых на шелке персонажей есть два – с европеоидными чертами. Это разнообразие

Охотник на лань – «Пятый персонаж». Фрагмент шелковой ткани с вышивкой от верхней одежды. Справа – прорисовка сюжета вышивки по шелку. Выполнено Е. Шумаковой

Фрагменты шелковой (вверху) и шерстяной (справа) ткани с вышивкой и ее прорисовки по ткани. 20-й ноин-улинский курган. Выполнено Е. Шумаковой

Прорисовка духа-защитника и духа-покровителя. Роспись лаковыми красками по черному фону второго гроба госпожи Дай. Погребальный комплекс Мавандуй, окрестности Чанша, пров. Хунань, раннеханьский период. Выполнено Е. Шумаковой

Прорисовка ханьского барельефа с изображением битвы китайцев с варварами

типов лиц может являться отражением реальной исторической ситуации.

Кто же вышит на ветхом шелке? Есть основания предположить, что это хунну. Верхняя одежда, сшитая из разных лоскутов, фрагменты которой обнаружены в погребении знатного хунну, вероятно, ему и принадлежала. Она могла быть сделана на заказ и отражать вкусы заказчика. Если бы это было изделие из ханьских мастерских – подобные нередко попадали в качестве дара шаньюю, – то вряд ли оно состояло из многочисленных мелких, сшитых между собой фрагментов шерстяной ткани и шелка, покрытых затем вышивкой. Сочетание китайских и варварских (в данном случае – иранских) черт в costume и прическе вышитых персонажей может свидетельствовать о том, что мастерицы копировали характерные черты в облике своего окружения – представителей хуннуской элиты. В costume последних, как показывают археологические находки (халаты и штаны из 6-го ноин-улинского кургана) и состав подарков ханьского двора шаньюю, включающего не только ткани и шелковую вату, но и готовую одежду, сочетались предметы одежды китайского происхождения и собственные или заимствованные из других источников (возможно, от кочевников иранского происхождения).

Известно, что при ставках хунну были представители и других народов. Чаще всего китайцы, иногда – военачальники, из числа перебежчиков и пленных, челядь из сопровождения китайских жен шаньюев, вероятно, и искусные ремесленники. Империя хунну объединяла или распространяла свое влияние на многие племена и народы Центральной Азии, Южной Сибири и Восточного Туркестана. Их представители были нередки среди окружения шаньюя.

Что особенно важно, что в данном случае перед нами не обобщенный образ врага, какими изображались хунну на каменных ханьских рельефах, а реальные люди.

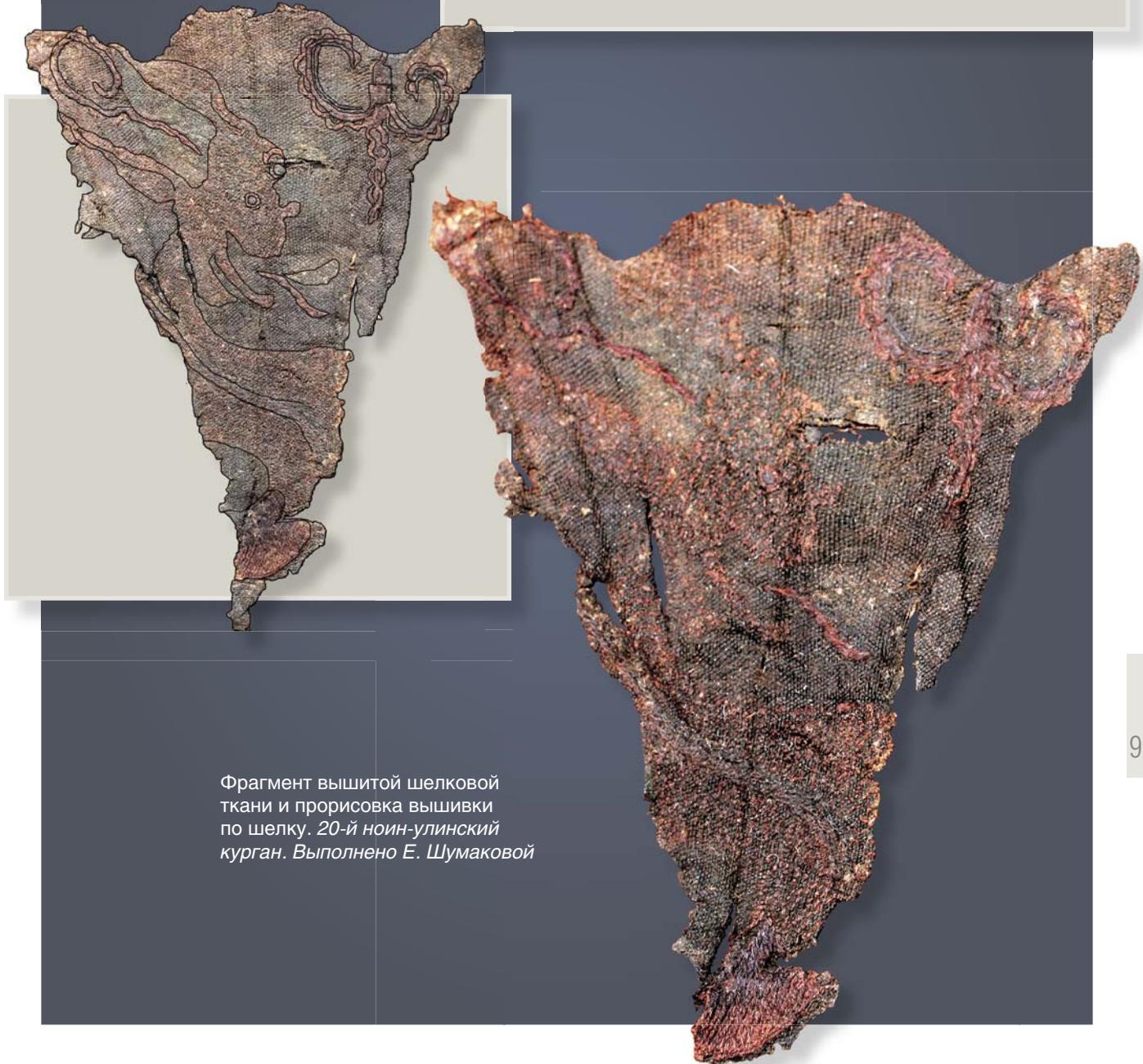
Известные до сих пор достаточно многочисленные изображения варваров, созданные ханьцами (китайцами), демонстрируют совсем другие образы – это, как правило, всадники в характерных островерхих шлемах (на каменных рельефах), либо пешие с небрежными волосами, резкими профилями (на бронзовых пряжках). Фан Сюаньлин (398—445 гг. н.э.), посвятивший свой труд заключительному этапу истории сюнну, пишет, что «сюнну ходят с распущенными, свешивающимися волосами», почти дословно повторяя более раннюю характеристику другого китайского историка Бань Гу (32—92 гг. н.э.), который писал о том, что «варвары ходят с неуложенными волосами...» (цит. по: Таскин, 1989). Но не всему, что пишется в китайских хрониках по поводу варваров можно верить, иначе пришлось бы признать, что у хунну «лицо человека и сердце дикого зверя» (Сыма Цянь, 1992) и многое другое в этом же духе

Они включены в контекст мифологического повествования, выполненного китайскими мастерами в рамках китайской традиции.

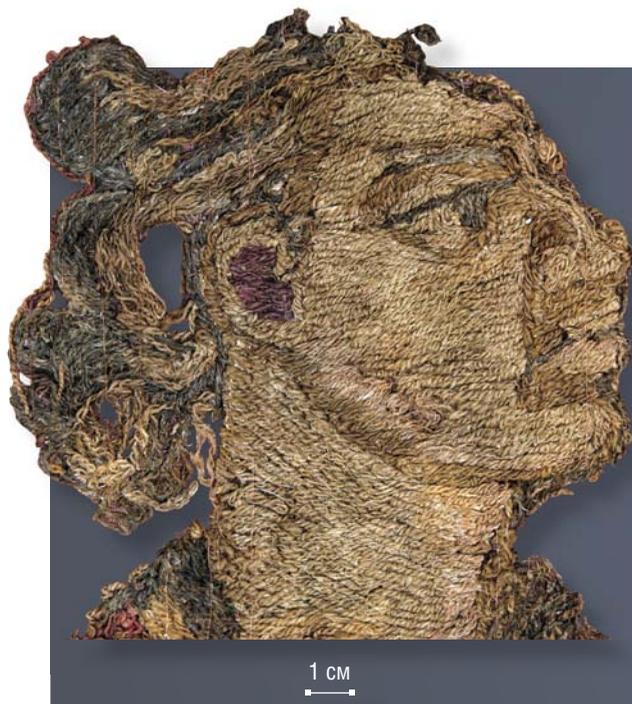
На вышитых фрагментах изображен потусторонний мир, заполненный традиционными китайскими зооморфными духами-защитниками и духами-покровителями, которые борются с какими-то фантастическими существами. Среди них и находятся воины и охотники, которые в данном контексте сами являются полумифическими персонажами. В целом, эта вышивка представляет собой типично китайскую, ханьскую картину загробного мира (Биррел, 2005).

Обращает внимание виртуозная работа – очень мелкие изображения, вышитые шелком на шелке. В рассматриваемый период времени известно только о китайских мастерицах, способных на столь кропотливый труд. Скорее всего, найденная вышивка – китайской работы, но создана под влиянием искусства западных вы-

Прорисовка изображения драконов с картины на шелке из Мавандуя. Картина являлась священным предметом, защищающим жизнь. Драконы, нарисованные на ткани, должны были избавлять от бедствий. Рисунок пером на шелке

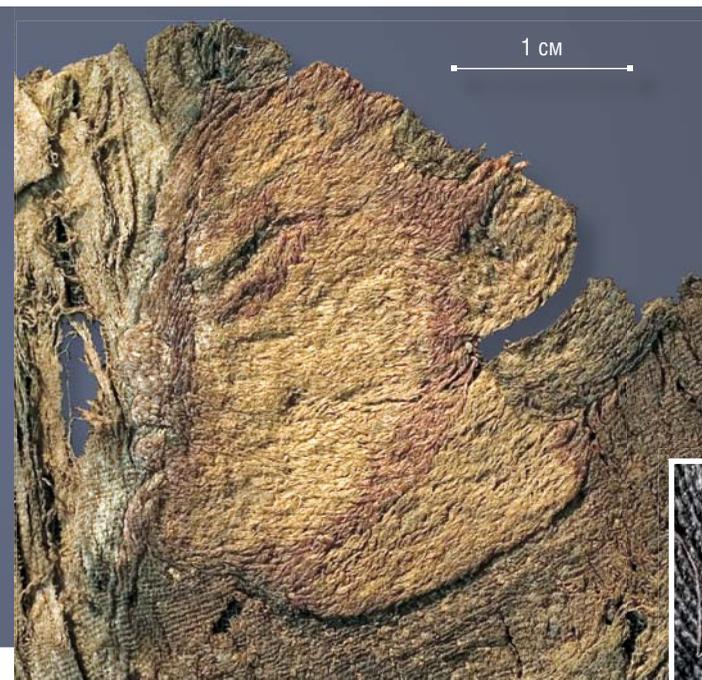

Фрагмент вышитой шелковой ткани и прорисовка вышивки по шелку. 20-й ноин-улинский курган. Выполнено Е. Шумаковой

Лицо воина – зороастрийца (слева). Фрагмент вышитой шерстяной завесы. 31-й ноин-улинский курган

Увеличенное лицо охотника на лань (справа). Деталь вышивки на шелковой ткани. 20-й ноин-улинский курган

Повелитель драконов. Фрагмент вышивки на шелковой ткани. 20-й ноин-улинский курган

Деталь вышивки ноги в пышных шароварах и мягкой обуви на шерстяной завесе (вверху) и на шелковой ткани (внизу). 20-й ноин-улинский курган

шивальщиц. Образцом для создания столь замечательных изображений могли послужить вышивки шерстью на шерсти, которые были хорошо известны и хунну, и ханьцам. В ноин-улинских курганах были обнаружены вышитые завесы парфянской работы («НАУКА из первых рук», 2010, № 3(33); 2011, № 2(38)).

Известно, что в древнем Китае высоко ценились парфянские гобеленовые ткани и ковры, ковры и покрывала из сирийских ткацких мастерских (Лубо-Лесниченко, 1994). Многие находки этих изделий на Шелковом пути и в курганах хуннуской элиты подтверждают данные письменных источников. Эти изделия не только украшали интерьеры дворцов и домов ханьской знати, но и являлись образцами для подражания.

Рассматриваемая вышивка на шелке по своим технологическим приемам и способам передачи лиц и одежды идентична вышивке на шерстяных завесах, обнаруженных в ноин-улинских курганах. Достаточно взглянуть на лица мужчин, изображенных на шерстяной завесе из 31-го ноин-улинского кургана и на шелке из 20-го ноин-улинского кургана, чтобы увидеть, что для создания портретов вышивальщицы использовали одни и те же приемы. При этом размеры вышитых на шелке изображений значительно меньше вышитых на шерстяной ткани: если на шерстяных тканях размеры вышитых лиц достигают 9 см, то на шелке размер самого крупного лица не превышал трех сантиметров. Мелкий и частый узор, как на вышивке, так и тканый, характерны для

китайского текстиля. В танское время даже появился запрет на производство некоторых видов узорчатых многоцветных тканей (771 г.), т. к. кропотливая работа над ними «была вредна для мастериц» (Шефер, 1981, с. 263). Скорее всего, вышивка на шелке, украшавшая одежду хунну, фрагменты которой мы обнаружили в 20-м кургане в Ноин-Уле, была сделана китайскими мастерицами, работавшими при ставке шаньюя, которых вдохновили увиденные ими вышитые завесы парфянских мастеров. Одним из доказательств этого предположения служат несколько фрагментов шелка, на которых шелковыми нитками повторяется рисунок с вышивки на шерстяной ткани одежды. Образы людей, созданные на шелке, стали результатом знакомства китайских мастериц с образцами «западного» искусства, и, вероятно, не только текстиля, но и иных высокохудожественных изделий, которых было немало у хунну.

Китайское искусство с древности было открыто иноземным влияниям. Это касается и текстильного производства. В ханьское время на тканях появляются орнаменты, имеющие ближневосточное происхождение – фигуры в закрытом пространстве, персонажи, скачущие в «летающем» галопе с обращенной назад головой и т. п. (Лубо-Лесниченко, 1994); в танскую эпоху в Китае производились великолепные шелковые ткани с вытканными образами и сюжетами характерными для сасанидского Ирана (Шефер, 1981).

Вероятно, при изготовлении нарядной одежды из имеющихся под рукой тканей мастерицами и была

выполнена оригинальная вышивка, сочетающая традиционные китайские мотивы и изобразительные и технические приемы западных мастеров, что позволило создать это уникальное произведение искусства.

Археологические находки портретов давно ушедших в иной мир людей – лиц из прошлого – одни из самых волнующих. То, что посчастливилось увидеть на ветхой ткани, было рождено талантом и фантазией какой-то безвестной китайской мастерицы, волею судеб оказавшейся в монгольской степи, среди «варваров». До сих пор среди древнего китайского текстиля не были известны вышитые на шелке изображения людей. Техника изображения рассматриваемых персонажей, их позы, жесты копируют фигуры, вышитые на шерстяных импортных тканях, но последние послужили только неким примером для создания совершенно оригинальных образов «властителей степи».

Литература

Ермаков М. Е. *Магия Китая. Введение в традиционные науки и практики*. СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2008. 192 с.

Кравцова М. Е. *История Искусства Китая: Учебное пособие*. СПб.: Лань; Триада, 2004. 960 с.

Лубо-Лесниченко Е. И. *Китай на Шелковом пути*. М.: Восточная литература, 1994. 326 с.

Миняев С. С., Елихина Ю. И. *К хронологии курганов Ноин-Уль // Записки Института истории материальной культуры РАН*. СПб, 2010. № 5. С. 167–181.

Чистякова А. Н. *Перевод иероглифической надписи на лаковой чашке из двадцатого ноин-улинского кургана // Археология, этнография и антропология Евразии*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. №3 (39). С. 59–68.

Шуцкий Ю. К. *Китайская классическая «Книга перемен»*. М.: Восточная литература, 1997. 606 с.